

Киноатлас СССР: «На реке Агане» (1930)

И. А. Головнёв

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,

golovnev.ivan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Ведение. В последнее время всё возрастающий интерес в широком спектре гуманитарных изысканий вызывают визуальные материалы, в частности, исторические этнографические фильмы. И особое внимание в этом поле заслуживают кинокартины, созданные при участии профессиональных учёных, ярким примером которых является кинодокумент «На реке Агане».

Цель: представить научному сообществу значимый опыт в истории отечественной визуальной этнографии, выраженный в комплексе архивных материалов и публикаций этнографа Р. П. Митусовой, кинорежиссёра В. Н. Беляева и других участников кинопроекта.

Материалы исследования: визуальные и текстовые архивы, статьи периодики, малоизвестные печатные воспоминания авторов, связанные с созданием кинофильма; а также тематически смежные данные о ситуации в этнографической науке на рубеже 1920–1930 гг. и о проектировании этно-географического киноатласа.

Результаты и научная новизна. Введение в научный оборот и историко-антропологический анализ непредставленных в историографии архивных материалов и сведений периодической печати даёт объёмное представление о методиках и подходах, использовавшихся научно-творческой группой студии «Союзкино» для создания подробного этнографического киноочерка, актуальных для осмысления и применения в современных визуально-этнографических исследованиях. Рассмотрение материалов киноэкспедиции к хантам реки Аган 1930 г. в данном исследовании производится в контексте реализации государственного проекта «Киноатлас СССР».

Ключевые слова: этнографическое кино, визуальная этнография, ханты, Митусова, Беляев, Киноатлас СССР

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта РФФИ № 21-18-00518, <https://rscf.ru/project/21-18-00518/>

Для цитирования: Головнёв И. А. Киноатлас СССР: «На реке Агане» (1930) // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 3 (54). С. 538–548.

Cinema-Atlas of the USSR: “On the Agan River” (1930)

I. A. Golovnyov

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography,

Russian Academy of Sciences,

Saint-Petersburg, Russian Federation,

golovnev.ivan@gmail.com

ABSTRACT

Introduction: recently, visual materials, in particular, historical ethnographic films, have attracted increasing interest in a wide range of humanitarian research. And a special place in this field is justifiably occupied by films created with the advice of professional scientists, a striking example of which is the film document “On the Agan River”.

Objective: to present to the scientific community a significant experience in the history of Russian visual ethnography expressed in the complex of archival materials and publications of the ethnographer R. Mitusova, film director V. N. Belyaev and other participants.

Research materials: visual and text archives, articles of periodicals, little-known printed memoirs of the authors associated with the creation of the film, as well as thematically related publications about the situation in ethnographic science at the turn of 1920–1930s and about the design of the ethno-geographic Cinema-Atlas.

Results and novelty of the research: introduction to scientific circulation earlier not presented in historiography archival materials and periodicals gives representation about the methods and approaches used by the scientific and creative group of the “Soyuzkino” for the creation of the detailed ethnographic cinema essay relevant for understanding and applying in modern visual and ethnographic research. Consideration of the materials of the film expedition to the Khanty people of the Agan River in 1930 in this study is carried out in the context of the implementation of the state project “Cinema-Atlas of the USSR”.

Key words: ethnographic film, visual ethnography, Khanty people, Mitusova, Belyaev, Cinema Atlas of the USSR

Acknowledgments: the research was supported by the Russian Science Foundation as a part of the project № 21-18-00518, <https://rscf.ru/en/project/21-18-00518/>.

For citation: Golovnyov I. A. Cinema-Atlas of the USSR: “On the Agan River” (1930) // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2023; 13 (3/54): 538–548.

Введение

Колоритные и информативные образы этнокультурной истории нашей страны в целом, и эволюции северных народов, в частности, получили подробное отражение в многочисленных визуальных документах, обоснованно привлекающих растущий интерес современных исследователей [1; 13; 17; 26; 27; 28; 29; 30]. И особое место в этом массиве источников занимает архивное этнографическое кино, – однако ни сами фильмы, ни методы их создания до сих пор не обрели должного внимания и осмысления в науке.

Инициативы налаживания планомерно-серийного производства этнофильмов, ставшие предпосылками проектирования визуального атласа Страны Советов, начали разрабатываться специалистами науки и кинематографа в середине 1920-х гг. «Кинетические» свойства кинематографа как нового языка научного познания и формата презентации знаний творчески будоражили опытную мысль в отечественном народоведении [4]. В свою очередь, экзотичность этно-материалов, дух экспедиционных открытий и пафос демонстрации революционного переустройства страны, увлекали ведущих советских кинематографистов. Краеведческие фильмы, особенно снятые в удалённых труднодоступных уголках, имели популярность у массовой зрительской аудитории как форма экранного туризма, что подпитывало экспедиционное кинонаправление «снизу». Но, безусловно, объёмная межведомственная программа, рассчитанная на многолетнюю плановую реализацию, не могла быть запущена без прямого административного ресурса.

Первый 10-летний юбилей правления партии большевиков предполагал не только формулировку отчётных достижений, но и представление крупных перспективных инициатив. Одним из таких больших советских проектов и стал «Киноатлас СССР»¹, курируемый Центральным исполнительным комитетом (ЦИК), имевший целью производство 150-серийного киноальманаха о народах и регионах Союза [5]. Разработкой программных оснований проекта занималось организационное бюро при Обществе изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока. В рабочую группу проекта были также включены представители ведущих киноорганизаций СССР, Наркомата просвещения, Государственной академии

искусствознания, Госплана СССР и др. Одним из первых официальных документов о создании «Киноатласа СССР» стало выпущенное 4 февраля 1928 г. Постановление Центрального бюро влияния в тот период Союза работников искусств [18], поддержавшее программу, выдвинутую Обществом по изучению Урала, Сибири и Дальнего Востока. Согласованные в августе 1928 г. программные «Тезисы о киноатласе», содержавшие описание проекта и приглашение к сотрудничеству, рассылались в кинематографические, научные и общественные организации в центре и на местах [21]. Главной производственной базой проекта была выбрана крупнейшая в стране студия «Совкино» (позднее переименованная в «Союзкино»).

Параллельно, в научно-исследовательской среде выделилось несколько «лабораторий», нацеленных на визуально-этнографическую работу, под руководством и при участии известных учёных: В. Г. Богораза (Музей антропологии и этнографии)², Л. Л. Капицы (Русский музей) [9], Б. М. Соколова [20] и Н. Ф. Яковлева [25] (Центральный музей народоведения) и др. Они занимались разработкой соответствующих теоретических вопросов, проведением образовательных курсов, практических семинаров, выпуском тематических статей в научной и кинематографической прессе. На известном Совещании этнографов Ленинграда и Москвы 1929 г. одной из актуальных задач учёного сообщества в целом объявлялся выход на регулярное сотрудничество с профессионалами кинематографического цеха [19]. Резолюции этого совещания стали основаниями для методологической перестройки в советской этнонауке, включая и развитие направления этнокино. Не случайно, например, отделом этнографии Государственной академии истории материальной культуры, в порядке реализации новых научных программ, осенью 1929 г. было проведено «2 заседания президиума с участием кино-работников по вопросу о кино-атласе народов СССР» [24, 81]. Одним из ярких опытов практической реализации совместного научно-кинематографического творчества стала работа над кинолентой «На реке Агане» (рабочее название «Остяки»³), автором сценария и консультантом в которой выступила Р. П. Митусова.

¹ В различных источниках написание названия проекта варьирует: «Киноатлас СССР», «Кино-Атлас СССР» и т. п.

² Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 250. Оп. 3. Д. 93.

³ Остяки – устар. наименование хантов.

Материалы и методы

В связи с отсутствием в научной литературе работ, непосредственно посвящённых созданию изучаемого кинодокумента, опорными материалами для исследования стали архивные документы и публикации кинорежиссёра В. Н. Беляева и этнографа Р. П. Митусовой, а также участников и современников данного процесса.

Междисциплинарность изучаемой темы определяла необходимость применения соответственной комплексной методологии. Так, обработка визуальных архивов происходила с использованием методов источниковедческого анализа кинофото документов, а также смежных материалов – с целью их атрибуции и уточнения условий создания. Метод историко-антропологического анализа позволил объемнее реконструировать и представить конкретный опыт в контексте исторического периода. А визуально-антропологическая методика – проанализировать отдельные звенья этно-кинематографического процесса: от оформления съёмочного замысла до выпуска киноработы на экраны. В частности, поскольку рассматриваемое киноповествование представляло собой своеобразный кинотекст, соединявший подготовленные научным консультантом титры и снятые на основе сценарного эскиза кадры, то методический интерес представляло сопоставление соответствующих научных материалов Р. П. Митусовой с содержанием итогового фильма В. Н. Беляева, вышедшего в широкий кинопрокат под обновлённым названием – «На реке Агане».

Результаты

Митусова (в девичестве – Кутепова) Раиса Павловна (1894–1937) прошла к тому моменту серьёзную научную школу, закалив теоретические познания и практические навыки в исследовательских экспедициях под началом ведущих учёных своего времени и в собственных этнографических походах. Ещё в бытность ученицей Высших женских Бестужевских курсов (1918), она участвовала в составлении этнографических карт России в Русском географическом обществе под руководством проф. Ф. К. Волкова¹. В Петроградском Университете, куда она поступила в 1921 г., её наставником в антропологии и этнографии народов Сибири был С. И. Руденко, под началом которого она работала затем и в этнографическом отделе Русского музея.

А в 1922 г., в должности «научного сотрудника по антропометрии», она участвовала в Верхневолжской экспедиции Академии наук, руководимой Д. А. Золотарёвым [10, 154]. И уже в 1923 и 1924–1925 гг. ею были проведены самостоятельные экспедиции в практически неисследованных на тот период районах Западной Сибири – от низовьев Надыма до верховьев Тромагана, Агана и Пура – где соседствовали этнические группы хантов, селькупов и ненцев. В одиночку преодолевая тяжелейшие маршруты, языковые и культурные барьеры, Р. П. Митусова последовательно выполняла исследовательский долг, соединявший поручения Комитета по изучению истории материальной культуры, Комитета по изучению племенного состава населения СССР, Уральской областной плановой комиссии и этнографического отдела Русского музея, штатным сотрудником которого она стала с 1925 г. (рис. 1).

Рис. 1. Портрет Митусовой Р. П. 1929 г.
Из фондов Российского этнографического музея
(РЭМ ИМ 9–195)

Помимо подробных антрометрических данных, уникальных фотодокументов, комплексных научных отчётов и богатых предметных сборов, она привезла из тех мест колоритные мемуары,

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Фонд 113. Опись 7. Дело 226.

опубликованные в 1929 г. в виде журнальных очерков [16]. Живые дневниковые заметки, описывающие сюжеты, локации и портреты из наполненного документальной драматургией странствия «Рут-ими»¹ среди «лесного народа», эти тексты своим визуальным потенциалом напоминали сценарный эскиз для фильма. Не удивительно, что в 1930 г. Р. П. Митусовой было предложено выступить автором сценария (либретто) и консультантом в процессе создания научно-популярного фильма с рабочим названием «Остяки».

Договор «О написании либретто культурфильма «Остяки» был заключен 9 мая 1930 г. между студией «Совкино», с одной стороны, и Р. П. Митусовой совместно с Л. Л. Капицей, с другой². Очевидно, коллега Р. П. Митусовой по этнографическому отделу Русского музея Л. Л. Капица, уже имевший задел консультационного и съёмочного взаимодействия с кинофабриками [3], был привлечен в качестве профпосредника в этом специфическом деле. Договор состоял в основном из типовых юридических формулировок, но имел и несколько характерных примечаний, имеющих интерес для текущего исследования. Во-первых, особым шрифтом было прописано, что «тема должна иметь указание на время и место действия, на материал и на мотив, могущий быть развёрнутым в сюжет, с краткой формулировкой идеологической установки сценария», и во-вторых, отмечалось, что «либретто будет принято фабрикой только после утверждения его Комитетом Севера»³. Через цензурный фильтр той или иной профильной партийной организации, в зоне деятельности которой находилась тема предстоящей киноработы, должны были проходить в изучаемый период все сценарии, запускаемые в производство на государственных студиях – так, фильмы связанные с вопросами этнографии народов Севера обязаны были получать «визы» Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК [22]. Сценарий, в основу которого были положены материалы вышеупомянутых экспедиций Р. П. Митусовой, в частности, изложенные ею в публикации «Аганские остяки» [14], был принят студийными и партийными инстанциями в аккурат к экспедиционному сезону, и летом 1930 г. в кинематографической прессе появилось сообщение о том, что «начинается производство этнографическая фильма

«Остяки» [14, 4]. Для участия в съёмках была сформирована операторская группа в составе В. Корчагина и Я. Славина, а режиссёром фильма выступил В. Н. Беляев.

Василий Николаевич Беляев (1903–1967) – в то время ещё молодой, но уже опытный режиссёр, оператор и сценарист хроникально-документальных и художественных фильмов, сами названия которых говорят об экспедиционном профиле кинематографиста: «По Средней Азии» (1925), «Старая Бухара» (1926), «Крыша мира» (1927), «Константинополь» (1927), «Афганистан» (1928), «Памирский отряд» (1928); «Ледяная судьба» (1929); «По снежному бездорожью» (1929). Его кинообразование прошло в лоне ленинградской школы с её особым вниманием к изобразительному потенциалу кадра, свойственным для эпохи расцвета немого кино. С одной стороны, В. Н. Беляев как кинематографист, воспитывался в творческом взаимодействии с титульными документалистами советского кино – Д. Вертовым и В. А. Ерофеевым. С другой стороны, регулярное сотрудничество с учёными в ходе создания этно-географических лент, способствовало его становлению как исследователя. «Перед каждой экспедицией я тщательно готовился к поездке, привлекая на помощь виднейших представителей науки и сокровища наших книгохранилищ» [2, 50] – вспоминал В. Н. Беляев. Очевидно, что при основательной научной консультации, строился и подготовительный период работы над рассматриваемым фильмом – разъездной маршрут, список локаций и содержательный план киноэкспедиции В. Н. Беляева вторили соответствующим параметрам этноэкспедиции Р. П. Митусовой.

Выпущенный в конце 1930 г. на студии «Союзкино» (сменившей название с «Совкино»), документальный киноочерк «На реке Агане» состоял из пяти частей общим хронометражем порядка 50 минут. Информативным источником о его содержании и рекомендациях по сопровождению в кинопрокате является одноимённая методическая брошюра к фильму, подготовленная вторым оператором киногруппы В. Корчагиным.

Согласно приведённым в брошюре данным, фильм открывался вступительными планами, знакомящими зрителей с устройством лесного стойбища и внешним видом его жителей –

¹ По воспоминаниям Р. П. Митусовой, местные жители называли её «Рут-ими» (в переводе с хантыйского – «Русская женщина»).

² Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Ф. Р-257. Оп. 6. Д. 23. Л. 36.

³ ЦГАЛИ. Ф. Р-257. Оп. 6. Д. 23. Л. 36.

аганских хантов [12] (рис. 2). Подобными же вступительными описаниями начинался и антрополого-статистический очерк Р. П. Митусовой: «По своему физическому типу остяки р. Агана... родственны вогулам, а тем самым нашим восточным европейским финнам – пермя-

кам и вотьякам. По образу жизни аганских остяков можно отнести к оседлым, т. к. они имеют постоянные зимние и летние жилища, причём по типам жилищ их можно разделить на две группы: ниже-аганских и выше-аганских» [15, 1].

Рис. 2. Чаепитие на берегу реки. Уральская обл., Тобольский окр., Сургутский р-н, р. Аган. 1924–1925. Ханты аганские. Из фондов Российского этнографического музея (РЭМ 10475-1)

Далее кинокартина подробно рассказывала о материальной культуре и хозяйственных занятиях населения, в частности, отдельные эпизоды были посвящены шитью одежды, изготовлению берестяной посуды, а также постройке чума из бересты. По этим деталям можно понять, что съёмки проводились в стойбищах в верховьях Агана, население которых, в силу удалённости от районного центра и сравнительно редких контактов с русскими, более сохраняло самобытные особенности быта, включая и пользование чума в качестве жилища; в отличие от ареала низовьев реки, где летними и зимними жилищами в основном уже служили четырёхугольные сосновые срубы, проконопаченные мхом, с крышей, и с чувалом внутри. Р. П. Митусова как раз делилась соответственными наблюдениями, сделанными в верховьях Агана: «Часто остяки живут в берестяных чумах (летом), четырёхугольных в основании. В подобных же чумах «тунтах-кат» остяки выше-аганские живут весной на боло-

тах, пася оленей. Осенью чум покрывается оленьими шкурами «нюкко-кат» и имеет овальное основание – типичный самоедский» [15, 1].

О широком охвате съёмочных локаций в ходе киноэкспедиции свидетельствовали проходившие через весь фильм внешние особенности, отличавшие группы жителей низовьев и верховьев Агана, что проявлялось во всех видимых объективах камеры объектах и предметах: обычаях, постройках, одежде и т. д. К примеру, как замечала Р. П. Митусова, «у ниже-аганских остяков чаще встречается покрой летних рубах великорусский – косоворотки, носят русские штаны, у некоторых даже френчи и сапоги, фуражки почти у всех. На женской одежде больше сказывается влияние обских и др. южных остяков: больше вышивок бисером на рубахах, которые имеются у всех, более других бисерных украшений» [15, 4].

При этом, в тех местах специфического по своему этнографическому содержанию фильма, где визуальный ряд требовал сообщений,

пояснений или уточнений информационного характера – таковые делались с помощью текстовых титров. К примеру, большое внимание в фильме было уделено локальным промыслам, и в частности, рыболовству. И в титрах фильма давалась общая информация о том, что река Обь с притоками даёт ценнейшие породы рыбы, среди которых осётр, муксун, нельма и многие другие, настраивая зрителя на представление о рыболовецких богатствах края. А в кадрах демонстрировались эффектно снятые сцены рыбной ловли в период путины [12, 3]. Экзотичность изображению добавлял показ традиционных (характеризующихся в титрах как «первобытных») рыболовных снастей, способов загона рыбы, и конечно же – поедания части улова в сыром виде. «Рыбу ловят круглый год, но главный промысел, неводом, начинается с половины июля, после спада воды, до половины, чаще конца сентября. Почти ежедневно большие лодки привозятся полные рыбой: щукой, язями, окунями, сорогами и др. мелкой рыбой, поздней осенью налимами. Рыба частью сушится на продажу, частью заготавливается впрок: коптится и подсушивается, частью съедается свежей» – сообщалось в статье Р. П. Митусовой [15, 3–4].

Крупный блок эпизодов фильма, снятых киногоруппой в конце лета – начале осени, был посвящён теме охоты. В титрах фильма информация о приближении осенней охотничьей поры дополнялась сведениями о ритуальной подготовке к важному для местных жителей сезону, когда приносятся жертвы богам и духам, дабы испросить удачи на охоте [12, 3]. Эпизоды охоты были сняты динамично, с использованием острых операторских ракурсов, с задействованием в кадрах участников из разных стойбищ, чтобы показать массовость вовлечения населения в это действо. И вновь особые акценты в киноповествовании делались на традиционных методах и орудиях охоты. В очерке Р. П. Митусовой также специальное внимание было отведено описанию охотничьего инструментария: «На крупного зверя – лисицу, медведя – делают ловушки и настораживают луки. «Чирканы» (ловушки) ставят на зайца, горностаю, колонку. Из других животных встречается россомаха, выдра, редко – дикий олень. Мясо всех убитых зверей едят, а шкурки почти все идут на продажу; небольшая лишь часть идёт на одежду. Для одежды идут также и шкурки гагар, прекрасно выделанные, уток и других птиц. Осенний промысел слопцами, на тетеревов и глухарей развит повсеместно» [15, 4].

После завершения охотничьих сюжетов, составлявших центральную часть киноочерка, следовали титры, представлявшие статистические сводки, характеризовавшие в округлённых показателях хозяйственный «базис» аганского населения: «Охота все же остаётся главным занятием остяков. Она занимает 60 процентов их бюджета, 30 процентов падает на рыболовство и 10 процентов – на оленеводство» [12, 4]. Приведённые параметры коррелировали с данными, фигурировавшими в исследовательских отчётах Р. П. Митусовой, однако в последних отмечалась и специфика, зависевшая от территории сборов и групп населения: «Оленеводством верхне-аганские остяки занимаются в большем размере, чем нижне-аганские – держат от нескольких десятков голов оленей до 1000 и более, но и у них рыболовство и звероловство играет крупную роль... Нижне-аганские остяки, имея очень небольшое количество оленей – от 2 до 10, занимаются, главным образом, рыболовством, охотой» [15, 5].

И далее кинорассказ переключался с сюжетов традиционного быта (в титрах характеризовавшегося как «старого») к образам условной «новой» жизни, связываемой с постреволюционными переменами. В частности, в титрах провозглашалось, что остатки старого, дореволюционного уклада, сложившегося во время «колониаторской» политики русского самодержавия, душившего охотничьи племена малых северных народностей, постепенно вытесняются и уничтожаются советизацией далёких северных окраин [12, 3]. В кадрах же показывалась обстановка советской фактории, плакатно демонстрировался приём у промысловиков пушнины и рыбы, снабжение их в порядке обмена промышленными и продуктовыми товарами. А развивалась киноповествование показом съезда юртовых советов – делегаты съезда в кадре бурно обсуждали свои хозяйственные и бытовые нужды, требуя, как пояснялось в титрах, реконструкции всего охотничьего хозяйства народности, формирования культурных кадров из своей среды для осуществления «культурной революции» в крае [12, 4].

«Физически аганские остяки здоровый народ, доживают до глубокой старости, но отсутствие всяких гигиенических условий, при заносе русских эпидемий и болезней, для них губительно. Небольшая медицинская помощь с улучшением питания и более культурные условия должны оказать благотворное влияние на здоровье остяков и поднять их жизнедеятельность, необходимые для эксплуатации богатств нашего

далёкого, сурового севера» [15, 5] – на такой ноте завершался антрополого-статистический очерк Р. П. Митусовой. В свою очередь, финальный эпизод фильма, накаляя идеологическую интонацию, выходил за пределы экспедиционной локации, и переносил зрителя с берегов Агана на берега Невы. И в картину входили новые герои – представители комсомольской мо-

лодёжи из числа коренных северян, из которых в институте народов Севера в Ленинграде воспитывались кадры культурных, политических и хозяйственных работников, которые призваны, согласно титровым лозунгам, «осуществить полную реконструкцию хозяйства и быта своей страны на новых, социалистических началах» [12, 4].

Рис. 3. Группа мужчин и женщин возле зимнего жилища – «мых кот» (земляной дом). Уральская обл., Тобольский окр., Сургутский р-н, р. Аган. 1924–1925. Ханты аганские. Из фондов Российского этнографического музея (РЭМ 10475-14)

Обсуждение и заключение

Осенью 1930 г. съёмочная группа вернулась из экспедиции в Ленинград, и по этому информповоду в кинопрессе сообщалось: «начиная с Сургута, последнего телеграфного пункта, было пройдено на лодках вёслами и бичевой в верховьях Агана и Каван-Яуна около 1000 километров» [23, 3]. Очевидно, основная часть полевой работы проходила именно в верховьях Агана, о чём свидетельствовал в своих воспоминаниях и режиссёр В. Н. Беляев: «в течение пяти месяцев я жил в лодке, в верховьях глухой сибирской реки, снимая этнографический фильм об осяках» [2, 50].

В Ленинграде группа продолжила досъёмки материалов для фильма во взаимодействии с Р. П. Митусовой, и с привлечением учащихся Института народов Севера. В силу своей тема-

тической особенности эта киноработа испытывала любопытство кинорепортёров, и неоднократно становилась предметом газетных и журнальных публикаций. Например, о съёмках с акцентами на их этнографичности сообщало влиятельное издание «Кино-фронт»: «Подготавливается этнографическая фильма по сценарию сотрудника этнографического отдела Русского музея Р. Митусовой (звукорежиссёр Арнштам, исполнители – студенты остяки Севфака)» [7, 4]. Особое внимание журналистов привлекало также и процесс звукозаписи для кинокартины, что было одним из первых в истории кино примеров озвучивания этнофильма. Подчёркивалась разносторонняя значимость такого эксперимента: «Не связанные и неограниченные возможностями живого исполнительства, этнографы получают в руки документ, который можно, сидя

здесь, на месте, изучать, расшифровывать, анализировать» [8, 3]. При этом, добавлялось, что развитие звукового этнокино имеет значение и для общегуманитарных программ, перспективы которых раскрываются при воспроизведении и осмыслении потенциала живого художественного языка народностей Союза. Такая меткая формулировка, скорее всего, являлась трансляцией позиции создателей фильма и говорила об их скрупулёзном и подходе к съёмочному процессу. Совмещая компетенции оператора и режиссёра, В. Н. Беляев отмечал особенности в профессии оператора-хроникёра, который уже во время съёмки должен быть способным разобраться в смысле явлений и отобрать из них самое важное. По его словам, эта специфика «заставляет предъявлять к профессиональной, культурной и политической подготовке оператора-документалиста очень высокие требования, особенно при работе над экспедиционными, этнографическими и военными темами» [2, 50].

Подобное далеко не формальное отношение, учитывавшее одновременно требования науки и искусства, сохранилось и в монтажный период работы над фильмом. По свидетельствам современников, монтаж для В. Н. Беляева него этапом фильтрации, в ходе которого он оставлял в киноповествовании наиболее точные в плане передачи жизненной правды операторские кинофразы. «Настоящее искусство проявляется там, где запечатлен не только факт, но и передано настроенное человека...» – такие слова В. Н. Беляева приводил его друг и коллега по операторскому делу Л. Данилов [6, 250]. Это высказывание характеризует беляевское понимание многомерной ёмкости кинодокумента – не только как сухого визуального протокола о внешнем ходе снимаемых событий, но и как кино-зеркала, отражающего внутренний образно-эмоциональный контекст происходящего.

Несмотря на этнографическую специфику материалов, кинокартина была выпущена в широкий прокат с формулировкой «для всякой аудитории» [12, 1], но с дополнительной ремаркой о том, что фильм представляет собой «ценный документ о далёкой малоисследованной окраине как в школьных, так и в массовых аудиториях» [12, 5]. В резюме Комитета по контролю за репертуаром сообщалось, что в картине собран большой материал, знакомящий зрителя с экономикой и бытом остяков и советизацией Тобольского севера. Особо подчёркивались этнографические качества киноработы, в частно-

сти, сюжеты об устройстве стойбищ, рыболовстве, охоте, оленеводстве, заготовке продуктов питания, жертвоприношениях и других религиозных обрядах. Отмечалось, что представлена в фильме и общественная жизнь остяков, а именно, – съезд остяцкого Совета, работа фактории Госторга. Добавлялось, что картина даёт материал, иллюстрирующий подготовку в Ленинграде национальных кадров для работы на Севере. Основная критика касалась недостаточной проработки идеологической линии в фильме, что рекомендовалось восполнить с помощью сопроводительной лекции при показах фильма. В частности, указывалось: «Трудности этой борьбы и бессилие остяка преодолеть природу в картине не раскрыты, что смазывает значение советизации края. Эти ошибки должны быть раскрыты в лекции» [11, 23]. Для закадрового сопровождения фильма в прокате как раз и была выпущена методическая брошюра «На реке Агане», содержащая советы по политоформлению кинолекции.

В декабре 1930 г. Раиса Павловна Митусова была арестована. Считается, что в её судьбе трагически отозвалось дворянское происхождение и родство с генералом А. П. Кутеповым, а также сотрудничество с С. И. Руденко, который был арестован в августе того же года по политическому делу организации «Всенародный Союз борьбы за возрождение свободной России», задевшего многих представителей академического сообщества [10, 156]. Эти события произошли накануне выхода фильма «На реке Агане» в широкий кинопрокат – в газетных анонсах конца 1930 г. о выходе кинокартины она ещё фигурировала как автор сценария и научный консультант, а в методической брошюре к фильму 1931 года выпуска – её фамилии уже не было.

В. Н. Беляев и после завершения фильма «На реке Агане» продолжал специализироваться на экспедиционном кино. Примечательно, в частности, что в 1931 г. им в качестве оператора был снят фильм «На штурм Севера», созданный при участии выпускников этно-кино-семинария В. Г. Богораза в Музее антропологии и этнографии. И далее в его творческой биографии последовала серия кинопутешествий, включая этнографические: «Мы в Хибинах» (1932), «Челюскин» (1934), «Столетие Калевалы» (1935), «На далёком берегу» (1936), «Ворота в Арктику» (1938), «Полярная стрела» (1938), «Город в тундре» (1939), «На северной вахте» (1939) и др.

Фильм «На реке Агане» был включён в рекомендательный список работ для «Киноатласа СССР» [11]. Однако, к тому времени, сама программа киноатласа уже основательно скорректировалась – методологический поворот, продиктованный рекомендациями госзаказчика, предполагал переориентацию с этно-географического формата к форме политпросветфильмов. И создатели киноработ, в силу длительности сроков производства – от написания сценария через экспедиционные работы до итогового монтажа – попросту не успевали следовать «за быстро менявшимся идеологическим курсом партии. При этом, многие фильмы, транслиро-

вавшие «устаревшую» позицию, не подлежали хранению в государственных архивах, а уничтожались или использовались в качестве вставок в более поздние фильмы и киножурналы. Так, фильм «На реке Агане» в его полной версии считается утраченным, но отдельные кадры из него автору статьи все же удалось обнаружить в киножурнале «Советское искусство»¹ за 1933 год. Продолжение поисковых работ специалистами разных институций может дать новые сведения, что дополнительно актуализирует введение в гуманитарный оборот информации о деталях создания этого ценного для науки этнографического киноисточника.

Список источников и литературы

1. Аманжолова Д. А. Документальное кино 1920–1930-х гг.: этнокультурный аспект // Российские регионы: взгляд в будущее. 2022. № 3–4. С. 1–23.
2. Беляев В. Н. Как я стал режиссёром // Рассказы мастеров киноискусства о своей работе. М.: Госкиноиздат, 1946. С. 49–54.
3. Головнёв И. А. Карельские киноэкспедиции Леонида Капицы 1927–1928 гг. // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 2. С. 378–387.
4. Головнёв И. А. Кино и этнография: концепция Николая Яковлева // Этнографическое обозрение. 2022. № 1. С. 213–230.
5. Головнёва Е. В. Киноатлас СССР: учебно-географический фильм «Западная Сибирь» // Исторический курьер. 2022. № 5. С. 40–49.
6. Данилов Л. Василий Беляев // Летописцы нашего времени. Режиссёры документального кино. М.: Искусство, 1987. С. 235–253.
7. Звуковое кино на Ленинградской кино-фабрике // Кино-фронт. 1930. № 22. С. 4.
8. Звуковая этнографическая фильма // Кино-фронт. 1930. № 24. С. 3.
9. Капица Л. Л. Задачи кино в области этнографии // Кино-неделя. 1924. № 16. С. 4.
10. Карапетова И. Ф., Китова Л. Ю. Раиса Павловна Митусова: неизвестные страницы биографии и творческой деятельности // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 1. С. 153–159.
11. Кациграс А. И. СССР на экране – кино-атлас / Кино-репертуар. М.: Наркомпрос РСФСР, 1932. 34 с.
12. Корчагин В. На реке Агане. М.: Гудок, 1931. 17 с.
13. Кочеляева Н. А., Разлогов К. Э. Советское многонациональное в контексте развития мировой кинематографии // Советское кино как эстетический и социокультурный феномен в международном контексте. М.: Альма Матер, 2022. С. 339–362.
14. Ленфабрика Союзкино // Кино-фронт. 1930. № 41. С. 4.
15. Митусова Р. П. Аганские остояки (антрополого-статистический очерк). Свердловск: Тип. Уральского обл. исполн. комитета, 1926. 5 с.
16. Митусова Р. П. Год среди лесного народа // Вокруг света. 1929. № 9. С. 6–9.
17. Пивнева Е. А. Фоторепрезентации этнической культуры обских угров // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 716–728.
18. Постановление о создании киноатласа СССР // Бюллетень ЦК РАБИС, 1928. № 3. С. 22.
19. Совещение этнографов Ленинграда и Москвы // Этнография. 1929. № 2. С. 110–145.
20. Соколов Б. М. Этнография и кино // Советское кино. 1927. № 4. С. 13.
21. Сыгин В. А. Киноатлас // Кино и культура. 1929. № 4. С. 71–72.
22. Устюгов П. К. Новые северные кинофильмы // Советский Север. 1931. № 1. С. 119–125.
23. Фильма об остояках // Кино. 1930. № 64. С. 3
24. Худяков М. Г. Из опыта ленинградских этнографов // Этнография. 1930. № 4. С. 81–86.
25. Яковлев Н. Ф. Кино и этнография // Терской А. Н. Этнографическая фильма. М.: Теакинопечать, 1930. С. 3–16.
26. Arctic Cinemas: Essays on Polar Spaces and the Popular Imagination. Jefferson: McFarland & Company, 2021. 191 p.
27. Con Gli Occhi di Giano: narrazioni e unità delle scienze umane / a cura di Paolo Chiozzi. Roma: Bonanno Editore, 2014. 268 p.

¹ РГАКФД. Фонд кинодокументов. Учётный № 3411.

28. Golovnev I., Golovneva E. Traditional Ethno-Cultural Communities in the Modern Russian North (Oil Field as a Documentary Film Case) // *Visual Representations of the Arctic*. New York: Routledge, 2021. Pp. 279–294.
29. Sharapov V. Construction of the Ethnographic Visual Image of Komi-Zyrians in the “Artistic Ethnology” of the late 19th–20th Centures // *Slovenský národopis*. 2020. № 3. Pp. 230–249.
30. Vasileva V. Collective and collected memory: photography as family history reclamation on Soviet and Post-Soviet Russia // *Visual Ethnography*. 2018. № 2. Pp. 45–60.

References

1. Amanzholova D. A. *Dokumental'noe kino 1920–1930-kh gg.: etnokul'turnyy aspekt* [Documentary cinema of the 1920–1930s: ethnocultural aspect]. *Rossiyskie regiony: vzglyad v budushchee* [Russian regions: look into the future], 2022, no. 3–4, pp. 1–23. (In Russian)
2. Belyaev V. N. *Kak ya stal rezhisserom* [How I became the film director]. *Rasskazy masterov kinoiskusstva o svoey rabote* [Stories of masters of cinema about their work]. Moscow: Goskinoizdat Publ., 1946. Pp. 49–54. (In Russian)
3. Golovnyov I. A. *Karel'skie kinoekspeditsii Leonida Kapitsy 1927–1928 gg.* [Karelian film expeditions of Leonid Kapitsa in 1927–1928s]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (2), pp. 378–387. (In Russian)
4. Golovnyov I. A. *Kino i etnografiya: kontseptsiya Nikolaya Yakovleva* [Cinema and ethnography: conception of Nikolay Yakovlev]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2022, no. 1, pp. 213–230. (In Russian)
5. Golovnyova E. V. *Kinoatlas SSSR: uchebno-geograficheskiiy fil'm “Zapadnaya Sibir”* [Cinema-Atlas of the USSR: educational and geographical film “Western Siberia”]. *Istoricheskiiy kur'er* [Historical Courier], 2022, no. 5, pp. 40–49. (In Russian)
6. Danilov L. *Vasiliiy Belyaev* [Vasiliiy Belyaev]. *Letopistsy nashego vremeni. Rezhissery dokumental'nogo kino* [Chroniclers of our time. Film directors of the documentary cinema]. Moscow: Iskustvo Publ., 1987. Pp. 235–253. (In Russian)
7. *Zvukovoe kino na Leningradskoy kino-fabrike* [Sound cinema in the Leningrad Film Factory]. *Kino-front* [Cinema-Front], 1930, no. 22, p. 4. (In Russian)
8. *Zvukovaya etnograficheskaya fil'ma* [The sound ethnographic of a film]. *Kino-front* [Cinema-Front], 1930, no. 24, p. 3. (In Russian)
9. Kapitsa L. L. *Zadachi kino v oblasti etnografii* [Cinema tasks in the field of ethnography]. *Kino-nedelya* [Cinema-Week], 1924, no. 16, pp. 4. (In Russian)
10. Karapetova I. F., Kitova L. Yu. *Raisa Pavlovna Mitusova: neizvestnye stranitsy biografii i tvorcheskoy deyatel'nosti* [Raisa Pavlovna Mitusova: unknown pages of biography and creative activity]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2006, no. 1, pp. 153–159. (In Russian)
11. Katsigras A. I. *SSSR na ekrane – kino-atlas* [USSR on the screen – Cinema-Atlas]. *Kino-repertuar* [Cinema-Repertoire]. Moscow: Narkompros Publ., 1932. 34 p. (In Russian)
12. Korchagin V. *Na reke Agane* [On the Agan River]. Moscow: Gudok Publ., 1931. 17 p. (In Russian)
13. Kochelyaeva N. A., Razlogov K. E. *Sovetskoe mnogonatsional'noe v kontekste razvitiya mirovoy kinematografii* [Soviet multinational in the context of the development of world cinematography]. *Sovetskoe kino kak esteticheskiiy i sotsiokul'turnyy fenomen v mezhdunarodnom kontekste* [Soviet cinema as an aesthetic and sociocultural phenomenon in the international context]. Moscow: Al'ma Mater Publ., 2022. Pp. 339–362. (In Russian)
14. *Lenfabrika Soyuzkino* [LenFactory SoyuzKino]. *Kino-front* [Cinema-Front], 1930, no. 41, p. 4. (In Russian)
15. Mitusova R. P. *Aganskie ostyaki (antropologo-statisticheskiiy ocherk)* [The Agan Ostyak people (anthropological and statistical essay)]. Sverdlovsk: Tipografiya Ural'skogo oblastnogo ispolnitel'nogo komiteta Publ., 1926. 5 p. (In Russian)
16. Mitusova R. P. *God sredi lesnogo naroda* [One year among the forest people]. *Vokrug sveta* [Around the World], 1929, no. 9, pp. 6–9. (In Russian)
17. Pivneva E. A. *Fotoreprezentatsii etnicheskoy kul'tury obskikh ugrov* [Photo-representations of the ethnic culture of the Ob Ugrians]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 4, pp. 716–728. (In Russian)
18. *Postanovlenie o sozdanii kinoatlasa SSSR* [Resolution on the creation of the Cinema-Atlas of the USSR]. *Byulleten' TsK RABIS* [Bulletin of the Central Committee of the Soviet Creative Union (RABIS)], 1928, no. 3, p. 22. (In Russian)
19. *Soveshchanie etnografov Leningrada i Moskvy* [Meeting of ethnographers of Leningrad and Moscow]. *Etnografiya* [Ethnography], 1929, no. 2, pp. 110–145. (In Russian)
20. Sokolov B. M. *Etnografiya i kino* [Ethnography and cinema]. *Sovetskoe kino* [Soviet Cinema], 1927, no. 4, p. 13. (In Russian)
21. Sytin V. A. *Kinoatlas* [Cinema-Atlas]. *Kino i kul'tura* [Cinema and Culture], 1929, no. 4, pp. 71–72. (In Russian)
22. Ustyugov P. K. *Novye severnye kinofil'my* [New Northern Films]. *Sovetskiiy Sever* [Soviet North], 1931, no. 1, pp. 119–125. (In Russian)
23. *Fil'ma ob ostyakakh* [Film about the Ostyak people]. *Kino* [Cinema], 1930, no. 64, p. 3. (In Russian)
24. Khudyakov M. G. *Iz opyta leningradskikh etnografov* [From the experience of Leningrad ethnographers]. *Etnografiya* [Ethnography], 1930, no. 4, pp. 81–86. (In Russian)
25. Yakovlev N. F. *Kino i etnografiya* [Cinema and ethnography]. *Etnograficheskaya fil'ma* [Terskoj A. N. Ethnographic film]. Moscow: Teakinopechat' Publ., 1930. Pp. 3–16. (In Russian)
26. *Arctic Cinemas: Essays on Polar Spaces and the Popular Imagination*. Jefferson: McFarland & Company, 2021. 191 p. (In English)

27. *Con Gli Occhi di Giano: narrazioni e unità delle scienze umane*. Roma: Bonanno Editore, 2014. 268 p. (In Italian)
28. Golovnev I., Golovneva E. Traditional Ethno-Cultural Communities in the Modern Russian North (Oil Field as a Documentary Film Case). *Visual Representations of the Arctic*. New York: Routledge, 2021. Pp. 279–294. (In English)
29. Sharapov V. Construction of the Ethnographic Visual Image of Komi-Zyrians in the “Artistic Ethnology” of the late 19th – 20th Centures. *Slovenský národopis*, 2020, no. 3, pp. 230–249. (In English)
30. Vasileva V. Collective and collected memory: photography as family history reclamation on Soviet and Post-Soviet Russia. *Visual Ethnography*, 2018, no. 2, pp. 45–60. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Головнёв Иван Андреевич, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3), доктор исторических наук.

golovnev.ivan@gmail.com

ORCID.ID: 0000-0003-4866-7122

ABOUT THE AUTHOR

Golovnyov Ivan Andreevich, Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (199034, Russian Federation, Saint-Petersburg, Universitetskaya Emb., 3), Doctor of Historical Sciences.

golovnev.ivan@gmail.com

ORCID.ID: 0000-0003-4866-7122